

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Дополнения к портрету юбиляра (воспоминания дочери)

Т. А. Кузякина

Благодарна Богу и судьбе, что я родилась и выросла в семье Александра Петровича Кузякина. Так сложилось, что всю жизнь, скоро семьдесят пять лет, я прожила под этой фамилией.

Несомненно, научная и преподавательская деятельность были основной частью жизни моего отца, но существовала и частная жизнь: семья, дети, друзья, ученики. Об этом мне захотелось поведать, чтобы дополнить портрет моего папы.

Начну с истории нашей семьи. Мои родители встретились в общежитии МГУ им. М. В. Ломоносова на Стромынке: папа — с биофака, мама — с истфака. Объединила их любовь к танцам. В октябре 1941 года они поженились. Время было тяжёлое — война. Вместе с другими добровольцами из МГУ папа и мама строили оборонительные укрепления для защиты Москвы, копали противотанковые рвы под авиационными обстрелами фашистов. Кроме того, папа выезжал в действующую армию под Ржев и на Сталинградский фронт для выявления разносчиков особо опасных инфекций и ликвидации их очагов. За эту работу папу наградили медалями «За оборону Москвы» и «За оборону Сталинграда». В ноябре 1942 года родилась я. Папа дал мне имя — Татьяна.

По рассказам родителей, первым их совместным жильём была какая-то трансформаторная будка, а потом, не знаю каким путём, они обосновались в маленьком домике, площадью чуть более 8 м² во Втором Крестовском переулке. Там наша семья прожила шесть лет, до конца 1948 года. Теснота и рождение второго ребёнка вынудили родителей поселить меня с братом у родителей мамы, в просторном доме в Серпухове. Изредка нас привозили в Москву, в Серпухове родители посещали нас редко. На то были свои причины: мама продолжала учёбу, прерванную войной и нашим рождением, а папа был занят не только написанием монографии по летучим мышам, подготовкой докторской диссертации, но и строительством жилья для нашей семьи. Дом по 2-му Останкинскому переулку был завершён в 1949 году.

⁸ С воспоминаниями о А. П. Кузякине можно также ознакомиться в следующих публикациях:

И. Грулих. Александр Петрович Кузякин – мой руководитель // Зоология и ландшафтная зоогеография. Чтения памяти А. П. Кузякина. – М.: МОИП, 1993, с. 25-28.

В. Е. Флинт. Памяти друга // Ландшафтная зоогеография и зоология. Третьи чтения памяти А. П. Кузякина. – М.: МОИП, 2008, с. 87-92.

А. Ф. Ковшарь. Параллели: IV Всесоюзная, 1965 г. – XIV Международная, 2015 г. // Ветер странствий (Казахстан), 2015, № 1 (50), с. 96-99.

Дорогами победы! Биологи МГУ имени М. В. Ломоносова - фронтовики и труженики тыла Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.: Изд. МГУ, 2015, с. 209.

Место для дома было выбрано не случайно. Папа работал в МГУ, а в Останкино располагалась биостанция МГУ. Биостанция располагалась на двух территориях. На одной — лабораторный корпус и жилой дом для некоторых сотрудников биофака, виварий, голубятня, курятник, площадка для водоплавающих, пасека. Вся живность использовалась в лабораторных занятиях студентов МГУ. На другой территории биостанции планировалось разведение растений, но что-то не заладилось, отдали площадь под огороды сотрудников биофака. Здесь находился старый амбар, который папа вместе с двумя плотниками, преобразовал в жилое помещение, а территорию облагородил аллеями из клёнов, лип и каштанов. Это жилище без удобств (вода с колонки, печное отопление, туалет во дворе) служило нам домом до 1964 года. Все попытки папы улучшить жилищные условия оканчивались отказами, пока в 1963 году МОПИ им. Н. К. Крупской, где папа заведовал кафедрой зоологии, не построил дом для преподавателей в Бабушкине, куда мы переехали в трёхкомнатную «хрущёвку».

Жильё к 1950 году было благоустроено, докторская диссертация защищена, семья объединилась, дети пошли в школу. С этого времени начался новый этап в жизни семьи. Папа полностью отделился от бытовых проблем. Поэтому с 7 лет мы с братом стали опорой мамы в ведении хозяйства: носили воду, пилили дрова, разгружали уголь для печки, стояли в очередях за продуктами, убирали снег, ухаживали за огородом. А папа с этого времени приступил к осуществлению своей мечты — каждое лето, в отпускное время совершать поездки в разные уголки нашей страны (причём за свой счёт). Благодаря этим путешествиям папа проводил основную исследовательскую работу, собирал и обрабатывал коллекционный материал, не отчитываясь перед чиновниками за истраченные средства. В связи с этим, семья, конечно, не бедствовала, но была лишена некоторого комфорта.

Папа был равнодушен к комфорту и уюту в доме, жалел средства на какие-либо обновления, но не скупился, когда дело касалось оборудования коллекционных материалов, экипировки для его путешествий. В еде был непритязателен: если в доме были сливочное масло, белый хлеб, яйца, пельмени, то его это меню вполне устраивало.

В одежде были свои предпочтения: фланелевые рубашки, ковбойки, мягкие домашние брюки. Гардероб официальной одежды обновлял редко.

Мама, после защиты диплома так ни дня не работала, оставалась домохозяйкой (как писалось в анкетах). Да, мама вела хозяйство, принимала в доме многочисленных папиных посетителей, кормила вечно голодных студентов и аспирантов, устраивала домашние праздники с обильным столом, которые папа очень любил. Самое же главное мама стала помощницей, соратницей во всех папиных делах. Сопровождала его на подавляющее большинство союзных и международных конференций, вела переписку с биологами, как нашей страны, так и зарубежными. Когда папа стал собирать коллекцию бабочек, мама стала препаратором, расправляла бабочек, довела эту кропотливую работу до совершенства. Когда папа стал катастрофически быстро слепнуть, мама стала его глазами, поддержкой и поводырём.

Не скажу, что папа ценил её преданность и самоотдачу. Понял это фактически в последний год своей жизни. «Какие же вы молодцы!» — сказал он, когда подписывал завещание, по которому всё его имущество безраздельно переходило в мамино пользование. Родители прожили вместе 47 лет.

Дети. До школы мы с братом в основном находились в Серпухове, у родителей мамы, а когда поселились в Москве, в Останкино, началось наше биологическое образование.

Первое, что показал нам папа, были опыты с летучими мышами по эхолокации. В берёзовой роще Ботанического сада: из садков выпускались в свободный полёт две группы летучих мышей. На мышах одной группы были надеты лёгкие кожаные колпачки. Именно «летучки» этой группы не могли ориентироваться в пространстве, натывались на любые препятствия, оказались беспомощными.

Вторым эпизодом, запомнившимся из тех лет, был выезд в природу на целый день. Папа взял на исследование лесов в Сходне (в 1950-е годы этот уголок ближайшего Подмосковья был типичным участком южной тайги) своих подопечных аспиранток: эстонку Линду Поотс и литовку Стасю Мальджунайте. Эти девушки, впоследствии, защитили диссертации и успешно работали в своих республиках, до последних дней жизни папы поддерживали с ним связь. Сын Линды Поотс — Мати Мазинг, стал специалистом по летучим мышам.

Несколько раз в начале 1950-х годов папа вывозил нас в Чашниково для изучения мелких позвоночных.

В сентябре 1950 года мы с братом пошли в школу. После окончания четвёртого класса мне с братом представилась возможность пройти хорошую школу изучения природы Подмосковья, сбора и обработки коллекционных материалов на биостанции МОПИ им. Н. К. Крупской в окрестностях Крюково (деревня Горетовка и речка того же названия). Вместе со студентами ловили мелких млекопитающих, птиц; делали из них тушки; выходили в ночной лес, чтобы на заре послушать птичек, определять их по голосам, вели учёт. Самым ценным результатом этого лета было то, что мы овладели, конечно, не в совершенстве, профессией таксидермистов.

По совету отца в 1956 году мы стали членами городского биологического кружка Всероссийского общества охраны природы (ВООП) под руководством Петра Петровича Смолина, которого кружковцы звали ППСом. Сам папа с 1930 года состоял в кружке юных биологов зоопарка (КЮБЗ) и не прерывал эту связь до конца жизни. Кюбзовцы, в основном, занимались изучением животных в неволе, а вооповцы изучали дикую природу во время специальных выездов по Подмосковью. В декабре 1956 года мы с братом провели самостоятельный учёт птиц на маршруте Малино — Фирсановка Октябрьской ж. д., о чём брат сделал доклад на конференции ВООПа.

Летом 1957 года я поехала работать на основной базе ВООПа — в Приокско-Террасный заповедник. Больше месяца мне приходилось проводить опыты с растениями — по испаряемости и фотосинтезу, учёты крупных млекопитающих на водопоях в поймах притоков реки Ока —

речек Тоденка и Паниковка, ежедневные наблюдения за климатом. Результаты работы ежедневно записывались в соответствующие журналы. Работать было легко и интересно; использовался опыт работы в природе с папой.

В том же году папа вывез нас на неделю в Ленинград. Ему надо было поработать в Зооинституте, а мы наслаждались достопримечательностями города.

1959 год. Окончились занятия в девятом классе и папа устроил нам удивительное путешествие. Началась наша «экспедиция» в районах Северного Урала: Сейда, Лабытнанги, Обская губа. Как в любой экспедиции на каждой остановке ставили ловушки, отлавливали зверьков, препарировали улов. Позже выяснилось, что в моём ряду ловушек поймана полёвка с необычными признаками. Этот экземпляр был описан в одной из папиных статей.

В Лабытнангах нас приняли на базе Уральского института экологии растений и животных под руководством С. С. Шварца. Нам повезло: институт включил нас в состав отряда, направленного в тундровый посёлок Ныды Южного Ямала. Целую неделю продолжалось наше путешествие на тралботе в устье реки Обь и южной части Обской губы. Нас немного покачало на волнах в 5 баллов, но неприятности скрашивались знакомством с тундрой, рыбой обской фауны: муксуном, нельмой, бычком и налимом.

Через три недели нашего пребывания на Северном Урале мы уже всей семьёй (к нам присоединилась мама) из Салехарда вышли в верховье Оби на теплоходе «Чернышевский». По пути следования мы три часа гуляли по Тобольску, городу детства моего отца. С теплохода мы высадились в Омске на поезд до Новосибирска, где началась работа в другой настоящей экспедиции — по выработке способов ликвидации водяной крысы, которая в те годы косила урожай зерновых в лесостепных и степных районах Западной Сибири. Работа проводилась в Барабинских степях. У меня был свой раздел работы — определить какой из кормов наиболее охотно потребляется этой крупной полёвкой в лаборатории, а затем на полях с разными зерновыми культурами. Причём корм должен был быть хорошо обволакиваемым ядом (фосфидом цинка) и легко рассеиваться из ёмкостей самолёта. Результатом моих исследований стал доклад, с которым я выступила в 1962 году на совещании зоологов пединститутов в Москве и на съезде молодых учёных в Ленинграде.

Последним моим совместным выездом вместе с папой было путешествие в Сочи, вернее в Хостинскую заповедную самшитовую рощу. Мой брат ещё пару раз ездил с папой в Туркмению и сочинскую Красную поляну.

По рекомендации папы меня в 1962 году приняли в состав экспедиции по изучению и определению переносчиков клещевого энцефалита в Красноярском крае. Экспедицией руководил папин аспирант Рудольф Леонидович Наумов. Три с лишним месяца в деревне на реке Большой Кемчуг, в 140 км от Красноярска, мы с сокурсницей каждый день выходили в тайгу, расставляли линии ловушек, к концу дня собирали улов мелких млекопитающих, очёсывали с каждой особи клещей, обмеряли

зверьков, определяли их половозрелость. В день обрабатывалось от 30 до 150 зверьков. Все материалы были сданы на исследования в Институт медицинской паразитологии и тропической медицины.

На этом закончилось моё «общение» с зоологией позвоночных животных, потому что после окончания института я ушла в другую область — микробиологию. Мне удалось собрать и написать работу с использованием моих знаний по биологии и географии, с поддержкой папы, с использованием его советов по построению и оформлению разделов будущей диссертации. Однако обстановка в Институте вакцин и сывороток им. И. И. Мечникова не дала возможность мне защититься. Мне пришлось резко изменить своей профессии и уйти в идеологию.

Брат закончил географический факультет МГУ, стал специалистом и учёным в области охотоведения.

Учителя, ученики, друзья. Папе везло на встречи с хорошими людьми, которые помогали ему в разные периоды его жизни.

В Тюмени и Тобольске нашлись учителя, природоиспытатели, поддерживавшие интерес мальчика-сироты к изучению природы. Однако мне этот период жизни папы не очень знаком. В Москве, пятнадцатилетнему юноше помогли получить достойное образование, приобщили к научным исследованиям.

Так Евгений Михайлович Климек, директор Московского зоопарка, принял мальчика на работу, обеспечил продовольственными карточками, а затем прикрепил к столовой, выделил угол для проживания. С этой семьёй папа не терял связь до последних дней жизни. Племянница Евгения Михайловича навестила папу за день до его кончины.

Пётр Александрович Мантейфель настоял на завершении папой среднего образования на рабфаке, приветствовал поступление юноши в Пушкин институт, а затем переход на учёбу в МГУ. Параллельно Пётр Александрович руководил научной работой папы, проводимой на базе кружка юных биологов зоопарка (КЮБЗ). С участниками этого кружка папа контактировал всю жизнь.

Одновременно в зоопарке таксидермист Павел Сергеевич Николаев обучил папу премудростям препарирования животных, искусству обработки шкур млекопитающих, птиц, из которых делались тушки и чучела.

Сергей Иванович Огнёв принял эстафету опеки над папой, стал его наставником в науке, руководителем кандидатской диссертации и советчиком при написании докторской. Папа очень дорожил этими отношениями, не раз посещал могилу своего учителя и друга.

Многолетняя дружба объединяла нашу семью с семьёй Владимира Францевича Натали.

Интерес к орнитологии и сборы коллекции птичьих гнёзд объединили папу с Евгением Павловичем Спангенбергом, автором книги «Записки натуралиста», с Владимиром Владимировичем Леоновичем, страстным коллекционером птичьих гнёзд, хотя основной его профессией была нумизматика.

Цвет орнитологии собирался в Останкино у Леонида Фёдоровича Лапионова, по определённым дням, обсуждались вопросы орнитологической

науки, готовили выпуски сборника «Орнитология». Папа был активным участником этих собраний и автором статей этого сборника.

Частыми гостями в нашем доме были папины однокурсники: Леонид Петрович Мосолов, Дмитрий Иванович Бибиков, Николай Николаевич Кондаков. С другими соучениками папа знакомил меня на научных съездах и конференциях, куда с удовольствием брал меня с собой. Не помню, чтобы кто-то из папиных друзей «таскал» своих детей на такие встречи.

Самое большое удовольствие доставляло папе занятие с учениками: 36 аспирантов, ещё больше соискателей, студенты группами и по одиночке были гостями нашего дома, так как институт не мог предоставить необходимого помещения для занятий, а дома размещалась и необходимая библиотека и коллекционный материал. Несколько раз папа брал небольшие группки из 3-4-х учеников в свои летние поездки.

С удовольствием отмечаю, что большинство папиных «подкидышей», как он ласково называл своих учеников, стали хорошими специалистами, преподавателями. Большинство посещали наш дом после присвоения им учёных степеней и званий: Иво Грулих (Чехословакия), Ирина Рахматулина (Баку), Линда Поотс (Таллин), Юрий Равкин (Новосибирск), из москвичей — Женя Равкин, Костя Панютин, а с семьёй Павла Александровича Пантелеева (папиного земляка из Тобольска) и Аллы Терёхиной тёплые отношения сохранились до настоящего времени.

По разным причинам большинство «подкидышей» отдалились и от учителя и от семьи, где их принимали, но остались действительно благодарные и преданные. Первой назову семью Мазиных, Льва Николаевича и Ольгу (она была папиной студенткой). В первые годы, после кончины папы, они посильно помогали нашей осиротевшей семье и до сих пор мы дружим. Лёва продолжает папино дело. Низкий поклон ему за биографические исследования жизни и деятельности А. П. Кузякина, отражённые в его юбилейном докладе. Юбилею папы посвятила свою последнюю работу Валентина Тагирова (Хабаровск). Почти тридцать лет хранит добрую память о нашей семье и продолжает общение Людмила Прилуцкая. Практически все ученики приняли материальное участие в установке памятника своему учителю.

Колоссальные нагрузки, ночные бдения для оформления своих идей в жизнь рано подорвали здоровье моего отца. В 60 лет он стал катастрофически быстро слепнуть. По мнению врачей, слепота — один из сильнейших стрессов. Вот тогда и началось пристрастие папы к алкоголю и все связанные с этой трагедией последствия. В течение десяти последних лет жизни личность постепенно деградировала, здоровье ухудшалось и в результате — рак, с которым организм боролся почти год. К этому времени я имела уже своё жильё, но когда был установлен диагноз, переехала к родителям и ухаживала за папой до последних минут его жизни.

В трагические моменты жизни уходят все неприятные воспоминания, остаётся только хорошее. Любящим, трудолюбивым, приветливым остался папа в моей жизни.